

дії і керувати ними». Суб'єкт злочинів також відмінний: ст. 116 КК передбачає відповідальність особи, яка досягла 14 років, а ст. 118 КК – 16 років.

При кримінально-правовій оцінці ситуації збігу стану сильного душевного хвилювання та необхідної оборони виникає й інше питання, яке не отримало належного вирішення ні у теорії кримінального права, ні у практиці застосування кримінального закону. Йдеться про те, що ч. 4 ст. 36 КК передбачено, що особа не підлягає кримінальній відповідальності, якщо через сильне душевне хвилювання, викликане суспільно небезпечним посяганням, вона не могла оцінити відповідність заподіяної нею шкоди небезпечності посягання чи обставинці захисту [2, с. 136].

Тобто стан сильного душевного хвилювання у такому випадку є умовою, що виключає злочинність діяння, навіть при перевищенні меж необхідної оборони.

В п. 3 постанови Пленуму Верховного Суду України від 26 квітня 2002 р. № 1 «Про судову практику у справах про необхідну оборону» зазначається, що суспільно небезпечне посягання на законні права, інтереси, життя і здоров'я людини, суспільні інтереси чи інтереси держави може викликати в особи, яка захищається, сильне душевне хвилювання. Якщо в такому стані вона не могла оцінювати відповідність заподіяної нею шкоди небезпечності посягання чи обставинці захисту, її дії слід розцінювати як необхідну оборону.

Отже, подальше вивчення даного питання є дуже важливим для правильної кваліфікації злочинів, обґрунтованої, зваженої судової оцінки та вирішення кримінальних справ.

Список використаних джерел:

1. Навроцький В.О. Основи кримінально-правової кваліфікації: навч. посіб. / Навроцький В.О. – К. : Юрінком Інтер, 2010. – 704 с.
2. Бурдін В.М. Кримінальна відповідальність за злочини, вчинені в стані сильного душевного хвилювання: монографія / В.М. Бурдін. – Л.: ПАІС, 2006. – 200 с.

Гладкий В.В.

магістр права,

Высшая менеджурская школа в Легнице

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА СУД КАК LEGITIMACY-THREATENING POWER

Всё, искажающее и деструктивным образом влияющее на реализацию судом идеи, целей, задач и принципов правосудия целесообразно разделить на следующие три группы: 1) агрессивная сила (*legitimacy-threatening power*, далее – *LTP*) – непосредственное, опосредованное давление на судью (в связи с его профессиональной деятельностью), осуществляемое субъектом или коллективным субъектом, способным причинить вред лицу, отправляющему правосудие, и/или его близким родственникам, знакомым людям или

предметам, которыми дорожит соответствующий судья; 2) деструктивный юридический факт (*legitimacy-threatening legal fact*) – конкретное объективно негативное (для реализации идеи правосудия) обстоятельство реальной действительности, с каковым норма права связывает возникновение, развитие или прекращение правоотношения, прямо или косвенно влияющее на добросовестность отношения судьи к своей профессиональной деятельности; 3) предмет-раздражитель (*legitimacy-threatening things*) – материальный, нематериальный объект объективной действительности, что негативным образом влияет на отправление правосудия, действенно отвлекая судью от реализации идеи правосудия, независимо от того, является ли этот объект изначально агрессивным или же изначально неагрессивным.

Особенно актуальным для современной Украины представляется деструктивное влияние *LTP*, как силы, наиболее действенно осуществляющая влияние на сознание судей, принуждая их отступать от судейской присяги и принимать решения, которые не соответствуют принципам права и воле законодателя (являющейся вторичной по значимости, после общепринятых принципов права) в пользу воли источника агрессивной силы или же групп людей, представляющих этот источник воли. Сопrotивление судей импульсу этой воли часто расценивается как предательство интересов государства и/или общества (подобно революционной или же социалистической законности, имевших место в тоталитарную эпоху бывшего СССР).

Несмотря на то, что *trias politica*, как идея теории разделения власти, в общих чертах была применена на практике ещё в VIII в. до н.э. в Спарте, а теоретически осмыслена (в её современном понимании) Дж. Локком и Монтескьё, до сегодняшнего дня в правовой мысли имеют место позиции, что судовая ветвь власти (основной правоприменитель) должна отвечать (в контексте юридической ответственности) за законное выполнение своих функций – прежде всего, за реализацию правосудия в границах обозначенных законодателем, а именно: на основании, в пределах полномочий и способом, определёнными конституцией и законодателем. Суд применяет норму закона даже если он, по тем или иным причинам, с ней не согласен в силу её несправедливости (только, если эта норма законодательного акта явно не противоречит духу закона). Логика определения причинности не позволяет назвать судебное решение суда, отражающее справедливо применимую несправедливую норму закона (законное решение), несправедливым, а суд – тираном. Принимая во внимание *trias politica*, следует признать, что законное решение суда, основанное на несправедливой норме закона (когда аналогичной справедливой нормы законодатель не предусмотрел; модель такой логики нами ранее была изложена в статье «Проблемы универсального понимания термина «юридическая ответственность»: исторический контекст»), указывает не на то, что Драконтом тут выступает не суд, а законодатель, обязавший всех исполнять соответствующую «драконтову норму».

Вопреки отражённой в Конституции Украины логики *trias politica*, в рамках культивируемой политики демонизации судей и дискредитации судебной ветви власти, суд становится единственным органом ответственным за справедливость нормативно-правовых актов (а не за их применение в рамках правосудия), действующих в государстве. Подобная откровенно

нигилистическая позиция обуславливает незащищённость и, соответственно, шаткость позиций судебной ветви власти и каждого судьи, ввиду чего существующая судебная система «ломается» (этому благоприятствует динамически растущая нагрузка на суды, а особенно – на административные суды, принимая во внимание, что чрезмерная нагрузка на госорган является действенным методом, способствующим ликвидации этого органа власти), но не для перестройки её якобы по европейской модели, а для ликвидации независимости соответствующей ветви власти.

При этом, обратим особое внимание на то, что если ранее противодействие принципу независимости судебной ветви власти и «приватизация» судей осуществлялась непосредственно исполнительной властью (на судей оказывалось агрессивное давление со стороны органов власти, ввиду чего некоторым судьям в каждом конкретном случае часто приходилось задумываться не о *rule of Law*, а о наличии интереса того или иного госоргана власти или некоего должностного лица от исхода рассмотрения дела, «нарушение» интересов которого являлось бы законным и аргументированным, но, скорее всего, влекло бы прямое или опосредованное преследование соответствующего судьи и т.д.), то на сегодняшний день *LTP* также представлена и общественным давлением на суд.

Ввиду того, что судьями могут быть только сильные духом, чистые сердцем и смелые профессионалы в области права (что и доказывает практика), можно констатировать, что при условии давления на суд органов власти, судьи за всё время возобновлённой независимости Украины в преобладающей доле смело отстаивали законность в государстве, принимая законные решения. Ввиду этого, органы власти, осуществляющие давление на суд, не всегда могли действенно противоправно воздействовать на таких судей, т.к. лица, осуществляющие правосудие, принявшие законные, правосудные решения, всегда могли защититься, ссылаясь на норму, которую они аргументировано использовали в решении соответствующего спора. Законность решения судьи было не только его прямым обязательством, но и способом избежать обозначенного давления, т.к. воздействие на судей, принявших правосудное решение, однозначно демонстрировала бы мировому сообществу реальный характер политической власти в государстве, которая часто лишь прокламировалась в качестве демократической. Разумеется, подобное соответствующие органы власти не могли допустить, обходя риски потери получения донорской помощи и международных кредитов, часто размывающихся в коррупционных схемах.

Однако, качественно иным образом, действует *LTP* в части общественного давления на суд, повсеместно имеющего место в наше время. Любые действия т.н. «общественных активистов» против судей, суда и правосудия, даже откровенно уголовные действия, находят поддержку и защиту в обществе, в котором длительное время образ судьи демонизировался с параллельным культивированием идеи *презумпции виновности и бесчестности лиц, осуществляющих правосудие*. Так, судьи, несмотря на оказанное на них давление со стороны госорганов власти и их должностных лиц, несмотря на давление отдельных политиков и влиятельных бизнес-структур, оказываются под влиянием (условно) общества, «представленного»

в каждом конкретном случае разнообразными «общественными активистами». Для постановления судьями неправосудных решений, рассматриваемых «активистами» и/или же их заказчиками, донорами в конкретных случаях «справедливыми», обозначенные лица осуществляют давление на суд: угрожая судьям и/или близким им людям физической расправой (30.11.2015 г. «активисты» заблокировали в зале заседаний Малиновского районного суда г. Одессы коллегия судей, рассматривавших дело о массовых беспорядках 2.5.2014 г., и ограничением их свободы, угрозами заставили их написать в присутствии полиции заявления об увольнении); осуществляя угрозу расправы (13.4.2017 г. «активисты», находясь на судебном заседании по уголовному производству в Малиновском районном суде г. Одессы, не будучи участниками процесса, требовали самоотвода председательствующего судьи, и когда он отказал им в этом неправомерном требовании, злоумышленники облили его и коллегия судей раствором зелени бриллиантовой во время судебного заседания, а также заявили, что в случае, если судья не возьмёт самоотвод – его будут обливаться этим раствором каждое судебное заседание); срывая судебные заседания, захватывая залы заседания суда или же само здание суда (30.11.2016 г. «активисты» захватили здание Шевченковского районного суда г. Киева, требуя, в частности, активного движения по делам о массовых протестах в Украине 2013 – 2014 гг.) и т.д. Подобные преступные действия часто остаются безнаказанными и совершаются в присутствии бездействующих прокуроров и полиции, что недопустимо.

Вне сомнений, среди судей, как и в любом человеческом обществе имеет место процент недобросовестных лиц, но, вместе с тем, противоправным действиям таковых лиц нецелесообразно противопоставлять преступные действия (тем более, практика показывает, что преступные посягательства в отношении судей, чаще всего, имеют место тогда, когда судьи действуют правомерно), а, соответственно, надлежащим образом обращаться по данному поводу в Высший совет правосудия. Также, подводя итоги изложенному, следует подчеркнуть следующее: уголовный закон Украины не в достаточной мере защищает судей от общественного произвола, которое повсеместно наблюдается в наше время, ставя под сомнение и саму апологию правосудия; правоохранительные органы власти обязаны пресекать общественное давление на судей как того требуют ст. ст. 376, 377, 378, 379, 380 УК Украины, а игнорирование ними данных обязанностей (прежде всего, в ситуациях, когда к судьям применяется насилие или же угроза насилия) следует непосредственно криминализировать путём внесения в уголовный закон ст. 379-1 «Невжиття працівником правоохоронного органу заходів для припинення злочинів проти правосуддя» следующего содержания:

«1. Невжиття, несвоєчасне та (або) неналежне вжиття працівником правоохоронного органу достатніх заходів для припинення дій, передбачених статтями 376, 377, 378, 379 та 380 цього Кодексу, якщо такі дії були вчинені у його присутності, – караються позбавленням волі на строк до двох років.

2. Дії, передбачені частиною першою цієї статті, якщо вони спричинили тяжкі наслідки, – караються позбавленням волі на строк від двох до п'яти років».